

Марина Эльденберт

ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ПЛАМЯ В ТВОИХ РУКАХ
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. НЕБЕСА В ОГНЕ
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ЗВЕЗДЫ ПАДАЮТ В НЕБО
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. НЕБО ДЛЯ ДВОИХ

МЯТЕЖНИЦА

СКРЫТЫЕ ЧУВСТВА

ЗАКЛЯТАЯ НЕВЕСТА

ЛЮБОВНИЦА ПОНЕВОЛЕ

ИСТИННАЯ ПОНЕВОЛЕ

В соавторстве с Валерией Черновановой

МЕЖМИРОВАЯ НЯНЯ, ИЛИ АЛМАЗНЫЙ КОРОЛЬ И Я
МЕЖМИРОВАЯ НЯНЯ, ИЛИ ЛЮБОВЬ ЗЛА, ПОЛЮБИШЬ И КОРОЛЯ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Марина Эльденберт

Истинная поневоле

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2021

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Э53

Серия основана в 2011 году
Выпуск 647

Художник
Е. Никольская

Эльденберт М.
Э53 Истинная поневоле: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3225-4

Наши с Домиником отношения окончательно превратились в противостояние. Я — пленница в его доме, где он вскоре будет счастлив с законной женой. Мне придется справиться с чувством, которому места во мне быть не должно, и раскрыть тайну своего происхождения, связавшую меня с ним навсегда.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-3225-4

© Марина Эльденберт, 2021
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2021

ГЛАВА 1

— Значит, ты хочешь обсудить приготовления к нашей свадьбе.

Собственные слова: все, что я хотела сказать, застывает на губах вместе со вздохом. Поэтому я упускаю преимущество внезапности. Хотя какая тут внезапность? Доминик сверкает глазами, а Одри оборачивается, смерив меня фирменным высокомерным взглядом. Они оба наверняка почувствовали и услышали меня еще в приемной. Она услышала. Не сомневаюсь, про свадьбу волчица тоже сказала нарочно.

Только Доминик не спешит ее поправлять. Он вообще смотрит волком и интересуется:

— Шарлин, что ты здесь делаешь?

Я оглядываюсь на Оуэна и Венеру: первый в замешательстве, вторая — в ужасе, и прикрываю за собой дверь.

— Так вас можно поздравить? Уже выбрали дату?

Одри открывает рот и мигом закрывает, когда со стороны альфы слышится утробное рычание. Вот только я здесь точно не для разговоров о чьей-то свадьбе, поэтому шагаю вперед.

— Нам нужно поговорить.

— Мы можем сделать это позже.

Ну нет! С Одри станется ради такого дела затянуть обсуждения счастливого события.

— Нет, сейчас, — говорю твердо.

— Я занят.

— Она подождет. — Я очаровательно улыбаюсь волчице, которая, судя по виду, готова меня загрызть не перекидываясь. — Правда, Одри? Твоя невеста просто душка.

— Шарлин! — Вот вроде и голоса не повысил, а уже готов вмиг шерстью покрыться.

Кажется, нападение вервольфов и похищение Хантером положительно на меня повлияло, потому что меня больше не пугает ярость Доминика. У меня теперь совсем другие страхи и опасения.

— Я хочу с тобой поговорить, — повторяю я. — Срочно и наедине.

Видимо, вервольф тоже понимает, что проще со мной согласиться, чем продолжать играть в гляделки и рычать на меня. Ну или рассчитывает придушить без свидетелей. Потому что он отодвигает кресло в сторону и направляется к боковой двери, явно ведущей не в приемную.

— Иди за мной.

Когда он отворачивается, Одри готова испепелить меня взглядом, я отвечаю ей взаимностью и следую за Домиником.

За неприметной дверью скрывается кабинет в кабинете. Достаточно большая комната без окон, с пейзажами на стенах, с двумя широкими диванами и журнальным столиком между ними. Она будто создана для секретных бесед или для того, чтобы подремать в обед.

— Это очень личный разговор. Уверен, что нас не подслушают?

— Здесь звукоизоляция.

Значит, с секретными беседами я угадала. Хотя, если честно, мне уже плевать — подслушает нас Одри или нет. Я обхожу диван, стараясь оказаться от Доминика как можно дальше.

— Что ж, поздравляю, — говорю я.

— С чем? — хмурится вервольф.

— С будущей свадьбой конечно же. С тем, что ты все-таки определился со своими симпатиями.

— Ты прекрасно знаешь о моих симпатиях.

Его взгляд, в который раз вонзается в меня с силой отточенного лезвия, но я стряхиваю его.

— Нет, не знаю. Я вообще тебя не знаю, Доминик. Ты говоришь, что можешь не жениться, но не спешишь разрывать по-

молвку. Вообще интересная постановка предложения «я могу не жениться». Могу не жениться, а могу жениться. Могу даже обсудить свадьбу с будущей женой. Ты вообще всеильный!

С последним предложением я почти срываюсь на крик, поэтому мысленно одергиваю себя. Надо успокоиться. Я здесь не за этим.

— У тебя была возможность узнать меня, Шарлин. — Несмотря на исходящую от него злость, которую я чувствую кожей, голос у Доминика спокойный. — Ты от нее отказалась.

Я киваю на дверь в кабинет:

— И ты быстро нашел мне замену?

— Это теперь тебя не касается.

— А что касается?!

Между нами диван и пара метров комнаты, но ощущение такое, что целый квартал, а может, город.

— Зачем ты здесь? — спрашивает Доминик.

Я должна рассказать про ребенка, но слова снова застревают в горле. Понимаю, что просто не могу этого сделать. Не после того, что здесь услышала.

— Если я выполнила обязательства по сделке, то я хочу сегодня же вернуться в свою квартиру.

Больше всего на свете хочу этого!

— Это невозможно. Пока Кампала ведет свою игру, тебе лучше оставаться в безопасности. А мой дом — самое безопасное место.

И наблюдать за его приготовлениями к свадьбе? Точно нет!

— Установи охрану. Пусть сидят у меня на кухне, но я хочу...

— Нет, — отрезает он, — я поклялся тебя защищать. Это не обсуждается.

Вот теперь я приближаюсь к нему, останавливаюсь в шаге и запрокидываю голову, пытаюсь рассмотреть в глазах этого чужого мужчины того, с кем я смеялась, играла в снежки, бегала на пляже. Которого впустила в свое сердце. Осознание, что я влюбилась в Доминика, такое сильное и внезапное, что от этого больно вдвойне.

Правда, я люблю Доминика, а не этого бессердечного хищника!

— Тебе нравится издеваться надо мной? — интересуюсь я.

— Тот же вопрос к тебе, Шарлин.

И о чем нам еще говорить?

Я отворачиваюсь, потому что в груди печет от тех чувств, которые сейчас горят во мне. От всего невысказанного.

— Это все? — спрашивает Доминик.

— Да, — не раздумывая, отвечаю я.

— Тогда я не стану тебя задерживать.

Намек более чем прозрачен, поэтому я, не глядя на счастливую невесту, вылетаю из кабинета. Натыкаюсь на Оуэна и Венеру и сворачиваю к туалетам.

Нет, меня не тошнит — попросту нечем. Но пульс грохочет в ушах и не получается вздохнуть. Я силюсь, но ничего не выходит. Поэтому я просто врубаю кран с холодной водой на полную и плещу ею в лицо. Умываюсь до тех пор, пока это все не проходит. Боль внутри не проходит.

Только затем выключаю воду и смотрю на отражение.

— И что ты будешь делать? — спрашиваю у себя.

Легкий шорох со стороны заставляет вскинуть голову. На пороге стоит Одри, только смотрит на меня без торжества. В ее взгляде замешательство и неверие.

Она принюхивается и все-таки спрашивает:

— Ты... беременна?

Лучше бы это была Венера. Или Оуэн. На крайний случай Доминик. Хотя что последнему делать в женском туалете? Но он мог пойти за мной, чтобы... Чтобы что? Он свое мнение насчет меня уже высказал.

Его невеста — последняя, кому я бы хотела рассказывать про малыша. А выходит, и рассказывать не нужно? К счастью, потому что все, чего я хочу — чтобы она поскорее отсюда убралась.

— Это очень странная традиция, — отвечаю волчице, — наши разговоры в дамских комнатах.

Одри складывает руки на груди:

— Отвечай на вопрос.

— Зачем? Ты же и так все прекрасно унюхала.

Я медленно беру бумажное полотенце и промокаю им лицо. Медленно, потому что не хочу выдать себя дрожью в пальцах.

Значит ли это, что Доминик тоже в курсе?

Почему тогда ничего мне не сказал?

— Он не может быть ребенком Доминика. Это невозможно. Значит, ты ему... изменила? — Последнее Одри выдает с таким отвращением, будто я не альфе изменила, а лично ей на крыльцо нагадила.

— Тебя это не касается, — повторяю я излюбленную фразу Экрота.

— Я его будущая жена, поэтому меня касается все, что касается его.

— А также все, кто касаются его?

На щеках волчицы проступает гневный румянец, но она только вздергивает подбородок и возвращает себе неприступный вид.

— Скоро касаться не будешь. Он тебя выгнал.

Нужно просто не отвечать, но тогда эта самодовольная стерва решит, что может мне указывать.

— Ошибаешься. — Я выбрасываю полотенце в корзину и поворачиваюсь к ней. — У нас сейчас сложный период в отношениях. Доминик привык, чтобы перед ним бегали на задних лапках, а я сама альфа. К тому же это его ребенок и он еще не в курсе.

Глаза Одри широко раскрываются.

— Но это же...

— Невозможно? — хмыкаю я. — Я тоже так считала. Но, как видишь, бывают исключения.

— Ты лжешь!

— Зачем мне это? И разве можно обмануть вервольфа? У вас же звериное чутье.

Удивительно только, почему Одри почувствовала мою беременность, а альфа нет.

На лице волчицы сквозь недоверие и злость проступает растерянность.

— Ты действительно беременна от Доминика?

— Да.

— И не сказала ему?

— Нет. Хочешь рассказать за меня?

По одному взгляду Одри видно, что не хочет. Потому что незапланированный ребенок может нарушить ее планы стать женой альфы. Она ничего не расскажет. Сохранит в тайне, а это именно то, что мне нужно. Пока я не разберусь во всем.

— Пропусти.

Как ни странно, она отступает в сторону. Неохотно, но на этот раз не пытается распускать свои лапы. Что удивительно.

— Если это его ребенок, — бросает Одри мне в спину, — если он будет вервольфом, мы примем его в свою стаю. Можешь не волноваться на этот счет.

От ее слов я едва не спотыкаюсь о порог. До этого я считала, что моя единственная проблема в том, что Доминик может мне не поверить. А даже если и поверит, я все равно буду матерью-одиночкой. И я почти смирилась с этим фактом. О том, что моего малыша попросту могут у меня забрать, я даже не подумала. При этой мысли все внутри меня восстает, мне хочется разорвать Одри на части. Любого разорвать на части, кто попробует забрать моего ребенка.

Не позволю!

Поэтому я оборачиваюсь и, глядя ей в глаза, напоминаю:

— Пока что это не твоя стая, Одри.

Спокойствие дается мне непросто, но я выхожу за дверь, расправив плечи, сохранив достоинство и оставив последнее слово за собой.

Я возвращаюсь той же дорогой, только сворачиваю не к лифтам, а снова в приемную Доминика. Мне нужно узнать, почему Одри почувствовала перемены во мне, а главный волк нет. И единственная, кто может дать мне ответ, — Венера.

Я нахожу девушку за ее рабочим столом и, игнорируя Оуэна, говорю:

— Знаю, ты занята, но можешь уделить мне минутку? Это очень важно.

— Да. Хорошо.

— Где мы можем поговорить, чтобы нам не помешали?

Венера кивает и проводит меня в большой зал, который, судя по длинному столу и множеству стульев вокруг него, предназначен для переговоров. Она прикрывает за собой дверь.

— Во-первых, хочу сказать, я очень рада, что ты вчера не пострадала. Во-вторых... Во мне что-то изменилось?

Венера всегда держит лицо, но сейчас даже не скрывает собственного замешательства.

— Не понимаю.

— То есть ничего не изменилось? — уточняю я.

Вот теперь волчица смотрит на меня пристально, а потом ведет носом, как совсем недавно делала Одри. Чтобы через пару минут охнуть.

— Ты в положении?

— Да.

Сосредоточенность на ее лице сменяется улыбкой.

— Поздравляю, Чарли! Это чудесно! Но... Но как?

— А как появляются дети? — У меня вырывается нервный смех. — Прости. Все это не важно. Лучше скажи, как ты это почувствовала. И почему это не почувствовал Доминик?

— Он не почувствовал?!

— Нет. По крайней мере, не сказал...

Венера хмурится:

— Возможно, потому что срок беременности слишком маленький, твой запах еще не слишком изменился. Волки и волчицы по-разному чувствуют это, но...

Он закусывает губу, не договарив.

— Что но? — интересуюсь я.

— Отец обычно чувствует своих детенышей даже в утробе. Это наша природа.

Мне становится смешно, настолько смешно, что я едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться. Очень зло рассмеяться. Особенно когда Венера осторожно интересуется:

— Это ребенок Доминика?

— Конечно, Доминика! Или ты думаешь, что я могла ему изменять при таком тотальном контроле? Вокруг меня армия преданных вервольфов. Да, вчера меня похитили, но за беременела я не вчера!

— Извини за глупый вопрос. Дело правда не в армии вервольфов, в тебе. Ты бы не стала изменять сама.

— Считаешь, что слишком хорошо меня знаешь?

— Успела узнать. К тому же между тобой и Домиником такие искры, что это сложно не заметить

Не знаю, про какие искры речь, но между нами все конечно.

Было бы кончено, если бы не мой малыш!

— Какая разница, если он все равно не чувствует собственное дитя?

— Огромная. Альфа не глупец. И хотя это чудо, что ты смогла забеременеть от вервольфа, он ни за что не откажется от своего волчонка.

Эта новость мне совсем не нравится!

— Одри меня уже просветила на этот счет. Сказала, что Доминик мне его не отдаст. Это правда?

— Одри точно не та, к чьим советам стоит прислушиваться. Зачем тебе это? Ты можешь жить в стае. Никто не имеет права прогонять тебя.

Жить в стае и смотреть на Доминика с Одри. Вот и ответ.

— А если не захочу? Захочу уехать вместе с ним.

— Любому волку нужна поддержка стаи.

— Если он родится волком.

— Кем еще он может родиться? — хмурится Венера.

— Человеком.

Хотя сейчас я не уверена, что этого ребенка можно будет назвать человеком. Ведь я не человек, я — имани. Непонятно кто. И мой ребенок может быть как вервольфом, так и... Кем он вообще будет? Таким, как Хантер. Историк сказал, что у него сила проснулась в тринадцать. Возможно, до этого она просто пряталась в нем. Так и мой малыш маскируется и не хочет выдавать себя биологическому папаше.

Я влипла!

Я влипла в это сильнее, чем в долг Дэнвера.

— Чарли, — прерывает мою мысленную панику Венера, — ты должна рассказать все Доминику. Поверь, он будет счастлив.

— Счастлив забрать у меня ребенка?!

Кажется, я все-таки срываюсь, поэтому делаю медленный вдох и так же медленно выдыхаю. Волчица смотрит на меня с сочувствием.

— Никто у тебя его не забирает.

— Но может.

Зря я рассказала все Венере. И зря обратилась к ней. Но теперь это уже не важно.

— Чарли...

— Я расскажу ему, когда буду готова. Хорошо? И прошу ничего ему не говорить. Думаю, ты бы тоже не хотела расстаться со своим малышом.

Венера вздрагивает, но кивает. Возможно, я бью по больному, но сейчас мне еще страшнее, чем когда я увидела вторую полоску на тесте.

Потому что, понравится это Доминику или нет, ребенка я ему не отдам!

ГЛАВА 2

С Домиником я больше не сталкиваюсь, поэтому без приключений возвращаюсь в магазин. Работы много, и я берусь помогать Рэбел обслуживать бесконечный поток покупателей, который не иссякает до самого закрытия. Где-то в коротких перерывах я размышляю, что стоит записаться к доктору и начать все планировать. Планировать на двоих.

Проблема в том, что сейчас в моей жизни все слишком зыбко, чтобы начинать что-то планировать. Взять хотя бы необходимость жить в доме Доминика. Но именно туда меня привозит Оуэн после работы и провожает до порога. Верболфы никогда не входят в дом альфы без его приглашения.

А вот самого альфы дома нет: в этом я убеждаюсь, когда поднимаюсь в спальню, чтобы принять душ и переодеться. Двери в его комнату и в кабинет приоткрыты, свет выключен. В гостиной и на кухне тоже пусто. Не знаю, где сейчас Доминик, хотя есть подозрения с кем.

Выкинуть из головы картинку с ним и Одри получается далеко не сразу, но все-таки получается. Мы ничего друг дру-

гу не должны, а лишние нервы мне сейчас ни к чему. Стресс не нужен ребенку, поэтому отныне только спокойствие!

Я включаю любимую радиостанцию и готовлю себе ужин. Неторопливо, с удовольствием. Не знаю, причина в том, что во мне проснулась эта имани, или в том, что я ношу ребенка вервольфа, но я действительно стала по-другому воспринимать запахи. Они стали ярче, а еще я будто стала экспертом в свежести продуктов. Сегодня в меня совершенно не влез сэндвич с ветчиной из кафе напротив. Мне оказалось достаточно его понюхать, чтобы понять, что с ветчиной что-то не то. Зато в холодильнике Доминика все было очень свежим: охлажденное мясо, овощи, фрукты. Стоило уловить аромат стейка, аппетит у меня проснулся волчий.

— Значит, любишь мясо? — поинтересовалась я, положив ладонь на живот. — Как интересно. А что еще?

Никогда бы не подумала, что смогу осилить огромный кусок стейка с кровью, но сейчас не просто осилила, мне захотелось добавки. Так же малышу зашли зеленые овощи, а вот от всего сладкого, включая виноград и бананы, меня воротило. И от кофе тоже, что стало для меня огромной печалью.

После ужина я решила не изменять своим привычкам: раз Доминик сказал, что я теперь живу с ним, то вести себя буду как дома. Принесла ноутбук на кухню и села за продолжение романа. Удивительно, но я чувствовала себя умиротворенной, даже написала половину главы. Но моего спокойствия хватило ровно до телефонного звонка.

Звонок от Хантера, поэтому первое мое желание — не отвечать на него. Но историк настойчив, продолжает названивать каждые пять минут. Что жутко бесит и не дает сосредоточиться на сюжете. На шестнадцатый раз я уже просто не выдерживаю:

— Что тебе надо?

— Считаю справедливым, что, если я утром ответил на твои вопросы, вечером ты ответишь на мои.

Что?! У него вообще с головой в порядке?

— Ты меня обманул и похитил. Я тебе ничего не должна.

— А кто говорит про долг? Это всего лишь дружеский разговор.

— Мы не друзья!

Я сбрасываю звонок и возвращаюсь к главе, но телефон снова изображает большую пчелу и продолжает жужжать на беззвучном режиме.

Раз.

Два.

Три...

Десять!

Так, хватит.

Я хватаю телефон со стола и собираюсь совсем его выключить, но хорошее настроение и так помаhalо мне ручкой, а мне безумно хочется высказаться. Спустить всех бесов на Хантера!

— Мы бы могли стать друзьями, если бы ты не использовал меня, чтобы подобраться к Доминику.

— И я прошу прощения за то, что напугал тебя. — На этот раз в его голосе нет показной веселости, историк предельно серьезен. — Еще я пообещал, что не причиню тебе вреда, и сдержал свое слово.

— Думаешь, достаточно извиниться и все будет как прежде?

— Думаю, мы можем быть полезны друг другу.

Вервольфы все настолько самоуверенные? Или только мне такие попадаются?

Пока я думаю над цензурой ответа, он продолжает:

— Я обещаю тебе свою защиту, Чарли. От Экрота и Кампалы. И свою преданность.

— Это что? Какая-то волчья формулировка?

— Клятва альфы, известная с пятого века.

— Но ты не вервольф. И точно не альфа.

Хантер тихо смеется.

— С первым ничего не поделаешь, а ради нашей дружбы и альфой станешь.

— Хочешь занять место Доминика? — интересуюсь.

— Да. Оно мое по праву.

— Тогда не рассчитывай, что я стану тебе помогать.

Я собираюсь снова повесить трубку, но гипнотический бархатный голос Хантера не позволяет это сделать.

— Я звоню не поэтому, Чарли. Не из-за Экрота, а из-за твоих слов. Мое предположение насчет альфа и имани подтвердилось, так? Ты носишь его ребенка?

Бесы!

Бесы дважды!

Потому что я не должна поминать бесов при ребенке.

— Это не твое дело!

— Значит, носишь.

Это что, сожаление?

— Я могу повторить...

— Не нужно, — перебивает меня историк. — Тогда тебе действительно понадобится моя помощь. Потому что никто не знает про имани и про их детей столько, сколько я.

Я резко втягиваю воздух и выдыхаю:

— Ты ошибаешься. Во всем.

Нажимаю отбой и для верности выключаю телефон, а потом обхватываю себя руками. На кухне тепло, во всем доме очень тепло, но сейчас у меня мороз по коже.

Потому что уже слишком многие знают о моем положении.

Бесов Хантер!

Мои слова вряд ли его убедят. А ведь он правда знает многое. Он родился таким и изучал вервольфов всю свою сознательную жизнь. И конечно же мог ответить если не на все мои вопросы, то на многие.

Это слишком заманчиво: воспользоваться тем, что он предлагает. Но я не нуждаюсь в ничьей защите или помощи. И уж точно мне не нужны ничьи клятвы, у них слишком большая цена. А в том, что историк назовет свою, я не сомневаюсь. Он прекрасный игрок, поддаваться на его фальшивое участие — себе дороже.

— Мы справимся сами, — говорю я малышу. Не уверена, что он меня слышит — слишком он мал для этого, но мне нравится так думать. Будто нас связывает какое-то особое чутье: он чувствует меня, а я чувствую его. — Хотя почему сами? У тебя еще есть бабушка с дедушкой и тетя Рэбел.

На этой мысли стальные пальцы, будто сжимающие мое сердце, отпускают, мне больше не хочется свернуться клубком и выть от бессилия.

Я всегда справлялась, справлюсь и на этот раз!

Подумав, что сегодня вряд ли напишу еще хоть строчку, закрыла файл с романом и записалась онлайн (ближайшей датой оказался понедельник) к гинекологу. После выпила чашку травяного чая и отправилась спать. Наверное, прошлая ночь, а может, весь этот день вытянули из меня все силы. Я чувствовала себя так, будто в одиночку перетаскала все книги в магазине, заодно и все шкафы передвинула. Поэтому я сбросила одежду на стул и залезла под одеяло, чтобы тут же провалиться в сон.

Мне снился Дэнвер. Таким, каким я его запомнила. Мы неслись по ночной автостраде и ссорились. Я просила его сбавить скорость, но он только сильнее жал на газ. Волк, огромный белый волк, возник в свете фар так внезапно, что я закричала, а Дэн вывернул руль, и резким ударом меня выкинуло через лобовое стекло. Я приготовилась к боли, но ее не последовало — волк подхватил меня и оттащил в сторону. Только оглянувшись, я поняла почему: машина загорелась и вспыхнула костром.

— Там Дэн! — крикнула я. Попыталась рвануться обратно, но нас отбросило взрывом. Взрывом, в эпицентре которого был мой бывший муж. И после которого никому не выжить...

Меня встряхивают, но не лапами, а руками. И я вздрагиваю, выныривая из кошмара. Меня действительно обнимают и прижимают к широкой обнаженной груди.

— Шарлин, тише. Я рядом.

Голос Доминика, глубокий, низкий, стряхивает с меня остатки сна. Как и его объятия.

— Что ты здесь делаешь? — интересуюсь хрипло.

— Ты кричала. Во сне.

Доминик вместе со мной на кровати и обнимает меня так, будто не было его слов про конец сделки. Но они были.

И они ввинчиваются в сознание. Вместе со страхом, что он вот-вот почувствует, поймет, что я ношу его ребенка. Этот страх настолько сильный, что до меня не сразу доходит его вопрос:

— Что тебе снилось?

Я отстраняюсь, вытираю мокрые щеки и холодно отвечаю:

— Это не важно. Не входи ко мне больше. Кричу я или нет. Я всего лишь твоя гостья, которой ты дал клятву. Больше никто.

Во взгляде Доминика вспыхивает что-то звериное. Но спустя мгновение даже оно запечатывается холодом и безразличием, желтое сияние исчезает из его глаз. Вервольф резко поднимается и уходит к себе.

А я поглубже закапываюсь в одеяло и пытаюсь заснуть.

Просыпаюсь я как по будильнику и обнаруживаю, что Доминик свои обещания выполняет — я снова в доме одна. И выполняет не только сегодня, все последующие дни мы с ним почти не пересекаемся. За исключением пятницы, когда я поздно вернулась из магазина и увидела, как он провожает к выходу отца Одри, и случайного столкновения в воскресенье на кухне. Меня это почти радует. Почти, потому что всякий раз при встрече с ним я замираю и ищу в его лице удивление или злость, или хоть какие-нибудь эмоции. Но нахожу только безразличие.

Хотя моя беременность становится для меня все очевиднее.

Теперь я не могу есть по утрам. Совсем. Не могу пить кофе. Малыш все держит под строгим контролем. Стоило однажды нарушить установленные им правила, и пришлось снова запирается в туалете. Зато я съедаю два стейка в день. Один в обед в «Бэйлизе» или в стейк-хаусе «Бычье копыто», второй — уже по возвращении в особняк Доминика.

Понедельник наступает неожиданно, и гинеколог, светловолосая женщина в годах, поздравляет меня с тем, что я и так знаю. У меня будет малыш. Еще у меня прекрасные анализы и токсокоз из-за полной перестройки организма.

На этом, правда, поздравления и заканчиваются. Потому что мне назначают УЗИ. Впрочем, когда я вижу своего малыша на экране, слезы подкатывают к горлу. У него большая голова, и он действительно очень крохотный, но он мой.

Маленький мой.

Но разве он не должен быть меньше?

— Вы утверждаете, что у вас срок не больше трех недель? — уточняет доктор Кимран, водя по моему животу датчиком ультразвука.

— Да, — хмурюсь я. Учитывая наши недолгие отношения с Домиником, забеременеть раньше я просто не могла.

— Очень интересно.

— Что именно?

— Просто по тому, насколько развит плод, я бы сказала, что у вас седьмая-восьмая неделя.

По спине тянет холодом.

— Этого не может быть, — говорю я, вглядываясь в экран. Доктору или себе?

Я не медик, но в школе биологию изучала и знаю, сколько у людей длится беременность. У людей...

Мой догадка чуть ли не подкидывает меня вверх. А у волков?

— Сколько длится беременность у вервольфов? — спрашиваю я.

— Двадцать две недели. Это из-за их звериных генов. Но вы человек.

Я уже в этом не так уверена.

— Я должна о чем-то узнать, прима Брайс? — Доктор Кимран смотрит на меня, как тот ультразвук. Но сначала мне самой нужно во всем разобраться, поэтому я отвечаю:

— Нет, все нормально. Седьмая неделя — это хорошо. Я, наверное, что-то перепутала.

Не знаю, смогла ли я ее убедить или нет, но доктор назначает мне витамины, советует больше отдыхать и максимально исключить стресс.

Исключишь тут! Да мы с ним практически сроднились!

Покинув кабинет, я сворачиваю в нишу (к счастью, Оуэн и его напарник согласились подождать в холле клиники и у меня есть фора), достаю из сумки телефон и набираю номер, по которому пообещала себе больше не звонить.

Хантер отвечает сразу, и даже не пытается шутить. Что тоже к лучшему.

— Мне понадобится твоя помощь, — говорю без предисловия. — Но учти, никаких условий!

— Я обещал, что на этот раз все будет честно.

— Хорошо.

Я все еще сомневаюсь, верить мне ему или нет, о доверии вовсе речи не идет. Но какие у меня варианты? Перелопатить все книги о вервольфах в магазине? Да у меня почти каждая о вервольфах! Поискать в Сети? Там, пожалуй, можно найти все что угодно. Про волков, но не про имани. До знакомства с Хантером я о таком даже не слышала. Имани и их дети не существуют ни для людей, ни для вервольфов. Но они существуют: я и Хантер прямое тому доказательство.

— Что ты хочешь знать? — спрашивает историк.

— У меня много вопросов.

— Я мог бы предложить встретиться, но твои телохранители вряд ли подпустят меня к тебе ближе чем на километр.

— Я все равно не собираюсь с тобой встречаться, — осаживаю его. — Мы будем общаться исключительно по телефону.

— Вервольфы слышат и телефонные разговоры, а тебя все время охраняют.

— Не все время, — говорю я и прикусываю язык.

Ну и чего, спрашивается, я с ним разоткровенничалась? Он мне не друг. Просто источник ценной информации.

— Я не собираюсь хранить в тайне то, что ты мне расскажешь, — исправляю ситуацию.

— Пойдет, — подозрительно легко соглашается Хантер. — Набери меня, когда сможешь разговаривать, и я отвечу на любой твой вопрос. Искренне и без условий.

Я и так задержалась, поэтому нажимаю отбой и возвращаюсь к Оуэну. Мой главный телохранитель сканирует меня взглядом, но ничего не говорит, а я чувствую себя странно, ведь только что разговаривала с врагом и соперником Доминика. В голову приходит не менее странная мысль: правильно ли я поступаю? Но я прогоняю ее прочь. Мне нужно все узнать, ради нашего с малышом будущего. Ведь, по словам Хантера, с детьми имани не все так просто. Я сама в этом убедилась на сегодняшнем приеме у доктора.

Рабочий день проходит как обычно, не считая того, что я все время думаю о разговоре с Хантером, и того, что мою беременность обычной не назовешь. Хотя бы потому, что она

развивается слишком быстро. Поэтому я иногда путаю заказы и книги. К счастью, Рэбел все вовремя исправляет и не задает вопросов. За что я благодарна ей вдвойне.

Время в автомобиле до особняка тоже растягивается, и мне хочется, чтобы водитель ехал быстрее, но, естественно, я тороплю его только в собственных мыслях. И даже забываю попрощаться с Оуэном, настолько спешу остаться одна.

Вот только в холле я натываюсь на Доминика.

Он спускается по лестнице, ведущей на второй этаж. Без пиджака, в брюках и светлой рубашке, босиком. Такого Доминика можно смело назвать домашним, если зверю вообще подходит этот эпитет.

— Здравствуй, Шарлин.

Только он так произносит мое имя — глубоко, рычаще, что даже сейчас его голос будто теплом прокатывается по моему телу. Я по-прежнему на него реагирую, отзываюсь, несмотря на то что не должна. Не хочу отзываться!

Я застываю на пороге, потому что появление Доминика полностью рушит мои планы сразу же набрать Хантера. Почему из всех дней он решил остаться дома именно сегодня?! Или не решил?

— Привет, — киваю я. — Ты сегодня дома?

— Да.

Если и существовала крохотная возможность, что Доминик еще куда-нибудь уедет, то она только что испарилась. Поэтому я перестаю изображать перепуганного зайца и иду к нему навстречу. Кто же виноват в том, что это единственная лестница на второй этаж?

— Тогда постараюсь не выходить из своей комнаты, чтобы тебе не мешать.

— В моем доме ты можешь делать все, что захочешь, Шарлин. — Доминик останавливается посередине лестницы и прямо у меня на пути. Она достаточно широкая, чтобы его обойти, но что-то мне подсказывает, что просто обойти его не получится.

— Скажу по-другому: мы не будем мешать друг другу, если разойдемся по разным комнатам.

Наверное, сейчас мы выйдем как семейная пара на грани развода. Они давно охладели друг к другу и уже даже не ссорятся, а просто вынуждены делить общий дом, пока не подписали бумаги. Я едва не смеюсь. Какой же бред лезет в голову! Мы не семейная пара.

Мы вообще не пара.

— Оуэн передал мне, что ты была сегодня в больнице. Почему?

На то, что моя охрана будет держать рот на замке, я даже не надеялась, но к тому, что альфа устроит мне допрос, не готова.

— Доминик, мы же вроде договорились, что ты меня защищаешь, и на этом все. Я должна докладывать тебе обо всем, что происходит в моей жизни?

— О том, что касается твоей безопасности и здоровья — да.

Он спускается еще на одну ступеньку и нависает надо мной.

Альфа слишком близко. Настолько близко, что я чувствую его аромат — сильный, мужской, манящий, и ловлю себя на мысли, что хочется податься вперед, провести ладонями по мужской груди, прижаться к Доминику. Руками. Губами. Все мое тело будто превращается в оголенный нерв, жаждущий его близости. Прямо здесь, на лестнице. До сорванного голоса, до сбившегося дыхания. Это звериное желание наброситься на него такое сильное, что именно это меня и спасает от необдуманных поступков. Осознание, что я собиралась сделать, выдергивает меня в реальность. Осознание и страх, что только что практически утратила контроль.

В глазах Доминика гаснет тот же алчный огонь, который я успела ощутить на себе. Это сделал он? Заставил меня почувствовать себя ненасытной самкой, желающей спариваться. Венера говорила про голос альфы, а что насчет взгляда?

Я облизываю пересохшие губы и сжимаю кулаки, чтобы не выдать дрожь, от которой до сих пор меня всю колотит. Мне нельзя волноваться. Малышу это не на пользу.

— Не делай так больше, — приказываю я. Мой голос тоже дрожит, но это вполне можно списать на раздражение.

— Как?

— Как ты делаешь!

— Я всего лишь спросил тебя про визит к доктору.

— Ты разве не знаешь, что с моим здоровьем?

— Это конфиденциальная информация, поэтому для начала я решил все уточнить у тебя.

Желание никуда не исчезло, но я понемногу превращала его в здоровую злость.

— Для начала? Это угроза?

— Предусмотрительность. Так в чем дело?

Я заглядываю в его лицо и понимаю, что Доминик не лжет. Не пытается вывести меня на чистую воду, чтобы признаться первой, не издевается. Иначе бы на вопрос про «знаешь» ответил иначе. Он действительно не чувствует, что я беременна.

Вопрос — почему?

Проще всего спросить у него, но я не готова признаваться Доминику сейчас.

— Меня кое-что беспокоило, поэтому я делала УЗИ. Но с моим здоровьем все хорошо. Спасибо, что интересуешься.

— Поужинаем вместе?

А вот это неожиданно! Настолько неожиданно, что я зави-саю второй раз за вечер.

— Нет, — отрезаю я. — Чем меньше мы будем проводить время в обществе друг друга, тем лучше. Ты сам сказал, что мы друг другу не подходим. Друзей из нас тоже не получится.

— Не получится, — соглашается Доминик. — Я не смогу дружить с тобой, Шарлин. Для этого я слишком тебя хочу.

Его слова отражаются в груди болью. Потому что «хочу» не равно «люблю». Он хочет мной владеть и на самом деле не видит во мне равную. Наши отношения изначально были обречены на провал.

— А я — нет, — отвечаю я, все-таки ныряя в промежутки между перилами и Домиником и сдерживаю себя, чтобы не начать перепрыгивать через ступеньки. Наоборот, поднимаюсь медленно и уже на верхней площадке оборачиваюсь, чтобы заметить закрывшуюся входную дверь. После чего спешу к себе.

Далеко босиком Доминик не уйдет, наверняка отправился на пляж, поэтому у меня есть немного времени.

Набираю Хантера и прошу:

— Расскажи все, что знаешь про имани.

— Всё — слишком расплывчатое понятие, — отвечает историк.

Я подхожу к окну и замечаю пересекающего внутренний двор Доминика. Не оглядываясь, он толкает заднюю калитку и скрывается в темноте пляжа. Того самого, на котором я впервые увидела его в волчьей ипостаси.

Замечаю, что свободной рукой вцепилась в край подоконника до побелевших пальцев, и отстраняюсь. Выдыхаю, пытаюсь расслабиться. Мне нужно сосредоточиться на Хантере и его словах, а не думать о Доминике. Не думать, что я угадала насчет пляжа. Что я слишком хорошо его знаю.

— Я рассчитываю, что ты ничего не упустишь, — говорю я. — Потому что я должна знать, кто я такая.

— Справедливо. — В голосе Хантера слышна улыбка. Он вообще как-то быстро включился в разговор, будто с нетерпением его ждал.

Конечно, ждал! Наверное, нарадоваться не может, что встретил настоящую живую имани.

— Как они появились? — спрашиваю я, и тут же исправляюсь: — То есть мы.

Что я чувствую, когда думаю, что я какая-то особенная? Что я не человек и не вервольф? Только растерянность и неверие. Неверие в то, что все это на самом деле происходит со мной.

— Мои родители — мои настоящие мама и папа, я на них похожа.

— Не сомневаюсь в этом ни капли, — успокаивает меня Хантер. — Как и в том, что они обычные люди.

— Тогда... почему я?

— А почему я родился с разноцветными глазами? Природа, генетика. Тебе просто повезло.

Повезло, как же!

— Но как и мои способности, — продолжает он, — твои тоже долгое время находились в спящем состоянии. Пока их не спровоцировала встреча с Экротом.

— Почему это вообще происходит? Почему рождаются такие дети?

— Я думаю, что таким образом природа заботится об исчезающем виде. А может, это новая ступень эволюции, которая берет лучшее из двух существующих на планете видов и создает нечто совершенное. Более сильную, здоровую, выносливую версию людей и вервольфов.

— А по-моему, тебе просто хочется считать себя особенным.

— Здесь ты ошибаешься. — Беззаботный голос Хантера сменяется ледяным. — Раньше я бы все отдал, чтобы быть обычным. Но потом понял, что глупо отказываться от того, что тебе подарила судьба.

— Я подобных подарков не просила.

— Это уже не важно. Тем более что твой будущий ребенок будет именно таким. Он уже особенный.

— Для меня он особенный, потому что мой, — отрезаю я и кладу ладонь на живот.

Моя фигура пока не изменилась, но с таким быстрым ростом малыша я не смогу долго скрывать беременность.

— Значит, — продолжаю я, — дело во мне и в альфе?

В моей сильной генетике и в том, что я занималась сексом с вожаком.

— Мой бывший муж не был альфой, поэтому моя сила не раскрывалась, а тут раскрылась. Выходит, дело не в Экроте? Подошел бы любой сильный... самец?

— Вероятнее всего, у вас с мужем не было детей не из-за разницы в видах, просто ты, как имани, ждала более сильного и достойного самца. — Последнее слово Хантер произносит с насмешкой, а вот мне совсем не смешно.

От таких новостей голова кругом. Значит, все мои мечты насчет мужа-человека и детей все равно бы не сбылись. Я бы осталась бесплодной, потому что моя сущность ждала Доминика или кого-то другого. Но поверит ли он мне?

— Я была сегодня у доктора, и мне сказали, что моя беременность развивается очень быстро.

— Как у волчиц, — подтверждает Хантер. — Это нормально, не бойся. Если ты имани, значит, твой организм должен быть приспособленным к рождению волчат.

— А если нет? Ведь... — Я осекаюсь, но потом все равно заканчиваю: — Ведь твоя мать умерла при родах.

Повисает короткая пауза, и мне даже кажется, что историк ничего не ответит, но он отвечает:

— Считаю, что нам не стоит это обсуждать.

— Я не хочу обсуждать тебя, я хочу обсуждать себя. Скажи, чего мне стоит бояться? Потому что мне уже страшно.

Мне действительно страшно. Даже страшнее, чем когда на меня несся оскалившийся волк.

— Вервольфы не просто так зациклены на потомстве, — все-таки говорит Хантер, — и именно поэтому берегут волчиц. У них случаются выкидыши, многие волчата погибают во время родов...

— И волчицы тоже, — заканчиваю за него, и меня прошибает ознобом. В спальне жарко, даже душно, но мне невыносимо холодно. Сердце в ушах звучит набатом.

Что, если мой ребенок не выживет? Если не выживу я?

Я, кажется, выпадаю из реальности, потому что прихожу в себя, только когда слышу свое имя и ругательства в трубке.

— Чарли, с тобой все будет в порядке, поверь мне. Уверен, Экрот для своего наследника не пожалеет ни лучших врачей, ни внимания и заботы.

— Он не знает, — признаюсь я.

— Что?!

— Доминик не почувствовал, что я беременна. И не знает, что это его ребенок. То, что я в положении, почувствовали только две волчицы.

Судя по донесшемуся из трубки грохоту, у историка что-то свалилось и рассыпалось.

— Это невероятно! — восклицает Хантер со смехом. — Малыш просто чудо.

— И что в этом чудесного?

— Он дитя имани и вервольфа невероятной силы, и он тоже очень сильный. Сильный и хитрый. Он прячется, Чарли. Маскируется, чтобы его не почувствовали мужчины.

Волчицы не представляют для него угрозы, они, как и ты, женщины. А вот от Экрота он спрятался, потому что... — Хантер останавливается, и его голос становится спокойным и задумчивым: — Потому что этого хочешь ты? Он чувствует тебя. Почему ты не хочешь рассказывать о ребенке его отцу?

Можно сказать правду, можно солгать, но зачем мне вообще нужно отвечать на этот вопрос?

— Это не имеет никакого отношения к нашему разговору.

— Имеет, и прямое. Чего ты боишься?

Потерять его.

Я знаю о существовании малыша несколько дней, но уже безумно люблю его и больше всего на свете боюсь его потерять.

Но я не собираюсь признаваться в этом Хантеру. Я вообще никому не собираюсь в этом признаваться.

— Давай вернемся к имани, — говорю я.

— А мы от них и не отходили.

— Отходили. Все, о чем я тебя прошу, так это рассказать о том, с чем мне придется столкнуться, будучи беременной от вервольфа. Я хочу защитить своего малыша, а с его отцом как-нибудь сама разберусь!

— Было бы неплохо.

Голос Доминика за спиной заставляет меня замереть. Пальцы деревенеют, поэтому телефон просто выскальзывает из рук, ударяется о подоконник и улетает на пол. Не знаю, пережил ли он падение, выключился или Хантер продолжает слушать мое срывающееся дыхание.

Я медленно поворачиваюсь: альфа стоит, прислонившись к дверному косяку и сложив руки на груди. С виду спокоен, но этот вид обманчив, потому что глаза Доминика горят желтым, и от сверкающих в них молний по коже бежит холодок. Я узнаю этот взгляд: так он смотрел на меня, когда забирал из дома Хантера.

Доминик плавным движением хищника наступает на меня, и я бессознательно прижимаюсь, прилипаю к подоконнику — дальше мне бежать некуда. Но он останавливается в двух шагах, подбирает телефон, проводит пальцем по экрану, а после швыряет его на постель. Только потом повторяет:

— Было бы неплохо разобраться во всем.

От Доминика веет животной силой и такой же яростью, мы сталкиваемся взглядами, и это приводит меня в чувство.

— Что ты слышал?

— Очевидно, ваш занимательный разговор с твоим недавним похитителем.

— Ты же уходил... Я видела, как ты отправился на пляж!

— Я вернулся.

— Ты меня обманул, — доходит до меня. Показал, что уходит, а сам тихо вернулся!

— И это говоришь мне ты, Шарлин? — Доминик почти рычит, в один шаг преодолевая расстояние между нами. — После разговора с моим врагом. Или после того, как решила не рассказывать мне о моем ребенке?

Я не собираюсь оправдываться. Ни перед кем, а тем более — перед Домиником.

— С чего ты взял, что это твой ребенок?

Альфа усмехается. Жестко.

— Чьим еще он может быть? Я первый мужчина, которого ты подпустила к себе после неудачного брака с Дэнвером, на тебе мой запах. Историк-недовервольф прав, — он опускает взгляд на мой плоский живот, — я не чувствую своего волчонка, но я не идиот, Шарлин. Я чувствую тебя. То, как ты изменилась, стала другой. Новые привычки в еде. Перепады настроения. Визит к доктору. Твоя скрытность. Я не мог в это поверить, но факты — вещь упрямая. Оказывается, мы с тобой совпали даже сильнее, чем я думал.

Доминик тянется ко мне, намереваясь положить ладонь на живот. Я перехватываю его запястье двумя руками. Конечно, во мне нет и сотой доли его силы: альфа может скрутить меня в два счета. Мы это оба понимаем, поэтому застываем друг напротив друга.

— Ты догадался про ребенка и молчал?!

— Я надеялся, что ты мне расскажешь. Видимо, зря.

— Это ничего не меняет, — говорю я.

— Ошибаешься, Шарлин. Это меняет всё. Всё между нами.

Я не понимаю, а когда начинаю понимать, хочется вцепиться ему в горло в лучших традициях вервольфов.

— Ты дал слово! Освободил меня от обязательств, я могу уйти отсюда в любую минуту.

Его глаза вновь загораются желтым, а скулы заостряются, выдавая готовность принять волчью ипостась. Альфа отступает так же стремительно, как подошел ко мне.

— Ты носишь под сердцем моего волчонка, значит, останешься здесь, в этом доме, пока он не появится на свет.

Мое сердце падает, и этой пропасти нет конца и края.

— А потом? — спрашиваю севшим голосом.

— Потом можешь делать все, что захочешь. Мой сын останется со мной.

ГЛАВА 3

Мой самый страшный кошмар последних дней воплощался наяву. Доминик узнал про малыша и, как и говорила Одри, решил присвоить его себе. Забрать его у меня.

Я настолько падаю в этот страх, что бросаюсь на Доминика с криком раненой волчицы. В попытке расцарапать лицо, сделать больно. Так же больно, как он делает мне! Но альфа легко перехватывает меня, фиксирует и тесно прижимает к себе, пока я бьюсь в его руках, будто бабочка в паутине.

— Я не отдам тебе его! — рычу я. — Не отдам! Он мой!

Он ждет, пока я выдохнусь, и только после коротко обещает:

— Посмотрим.

Доминик резко отстраняется и стремительно покидает мою комнату, забирая мое сердце. Забирая нечто большее.

Надежду. Надежду, что он так ни о чем и не узнает.

Мне остается только дойти до кровати и упасть на нее вслед за телефоном. В голове крутилось: «Ты, Чарли, самая настоящая дура, если верила, что может быть иначе!»

Перезванивать Хантеру было бессмысленно, поэтому я свернулась на кровати прямо в одежде и прикрыла глаза.

Чтобы открыть их от ярких полосок солнечного света, проникающих в комнату через неплотно прикрытые жалюзи.

Беременность влияла на меня странным образом: раньше я бы ни за что не уснула вот так, без души, и не проспала больше десяти часов. Главное — вряд ли бы выспалась. Но сейчас чувствовала себя бодро и решительно. Я проснулась с мыслью, что все мои советчики были правы — вряд ли бы у меня получилось утаить беременность от Доминика. Не говоря уже о младенце. Сейчас, когда он знает, все стало проще и сложнее одновременно. Проще, потому что мне больше не нужно прятаться, а сложнее, потому что теперь надо убедить альфу изменить свое решение. Доказать ему, что ни я, ни ребенок ему не нужны.

Доминик любит сделки, и я собиралась с ним договориться.

Наскоро приняв душ, почистив зубы и причесавшись, я спустилась на кухню. В это время альфа обычно завтракал, а после отправлялся на работу. Я выучила его график, когда старалась с ним не сталкиваться. Это было несложно, учитывая, что сама я не завтракала.

Мне повезло: сегодня Доминик не изменял своим привычкам и готовил яичницу. Любопытно, но при всех своих возможностях завтрак он делал себе сам. Правда, никто не предупреждал меня, что он делает это без рубашки. Стоило моему взгляду споткнуться о литые мышцы на мощной спине, все вступительные слова заготовленной речи выветрились из головы.

Это происходило вновь: мне дико захотелось подойти сзади и провести ладонями по его спине, прижаться к ней грудью, лизнуть его под лопаткой. Наваждение, которое мне не принадлежало. Не могло мне принадлежать!

— Доброе утро, — говорит Доминик, не оборачиваясь. — Ты вовремя. Завтрак готов.

— Я не завтракаю.

— Придется, если хочешь, чтобы наш сын родился здоровым.

Я складываю руки на груди и приподнимаю бровь.

— То есть ты собираешься насильно затолкать в меня омлет?

Альфа наконец-то оборачивается и сканирует меня испытывающим взглядом.

— В этом есть необходимость?

Как ни странно, сейчас от запаха еды мне не хочется немедленно воспользоваться гостевым туалетом. Наоборот, в животе тихо урчит, потому что второй стейк вчера я пропустила, а против омлета малыш, кажется, не возражает. Поэтому я отодвигаю стул с ближайшей к двери стороны стола.

— Хорошо, я позавтракаю с тобой.

Доминик выключает плиту и раскладывает омлет по тарелкам, а потом ставит одну передо мной. Порция волчья, но я решаю не спорить и принимаю врученную мне вилку. Альфа опускается на соседний стул. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что он меня ждал. Услышал, как я проснулась, и ждал, пока спущусь. А значит, не только я хочу поговорить.

— Я хочу, чтобы ты сегодня посетила доктора, — подтверждает мою догадку Доминик.

— Я вчера уже была в больнице.

— Это хорошая клиника, но она не для вервольфов. Я хочу, чтобы тебя осмотрел наш специалист.

— И как ты собираешься убедить их принять не волчицу?

— Не волнуйся, они не станут задавать лишних вопросов. А я должен быть уверенным, что с сыном все хорошо.

Омлет вкусный, и я даже позволяю себе немного насладиться завтраком, прежде чем перейти к собственным вопросам.

— Зачем тебе ребенок?

— О чем ты? — прищуривается он.

— Зачем тебе ребенок от меня? Ты сам вчера сказал, что Хантер недовервольф. Этот малыш тоже родится таким. Неполноценным с точки зрения волков. Когда ты женишься на Одри, у вас будут общие волчата. Так зачем тебе мой ребенок?

Доминик откладывает вилку и пристально изучает мое лицо. Долго.

— Ты действительно не понимаешь? — интересуется он, и его вопрос заставляет меня почувствовать себя глупо.

— Что я должна понять?

— Это мой ребенок, Шарлин. Я не собираюсь от него отказываться только потому, что тебе так захотелось.

— Но ты заставляешь отказаться от него меня, потому что тебе так захотелось! — Мой голос почти срывается на крик, и я заставляю себя продолжить завтрак, только чтобы вернуть себе видимость спокойствия.

Странно, что у меня получается есть в присутствии этого тирана!

— Разве я тебя заставляю?

Я едва не давлюсь от возмущения.

— А как еще назвать то, что ты хочешь отобрать у меня ребенка?

— Не хочу.

Мои брови взлетают вверх: я совершенно точно ничего не понимаю. Поэтому прищуриваюсь и решаю уточнить:

— Что?

— Я хочу, чтобы мой ребенок остался в стае. Я не считаю его недовервольфом, как ты сказала. И я не собираюсь прогнать тебя, Шарлин. Ты тоже можешь остаться.

Остаться?

— Остаться в качестве кого, Доминик? Не думаю, что твоей супруге понравится присутствие в стае твоей бывшей любовницы. Уверена, мне придется ходить и оглядываться.

— Она не тронет тебя. Не пойдет против моей воли.

— Мы точно про одну и ту же Одри говорим? Или у тебя в запасе еще десять невест, послушных и кротких?

Доминик гневно раздувает ноздри.

— Ты видишь врагов там, где их нет, зато водишь дружбу с одним из них.

— Ни с кем я ничего не вожу!

Вот теперь мне кусок в горло не лезет, поэтому тоже отставляю тарелку и поднимаюсь. Стул отъезжает с противным скрежетом. А Доминик поднимается следом, нависает надо мной.